

Магулаева Фарида Лазаревна

ПОЭЗИЯ КАЙСЫНА КУЛИЕВА: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

В статье рассматриваются художественные особенности поэзии К. Кулиева, которая стоит в авангарде поэтической мысли XX столетия. Поэзия К. Кулиева вобрала в себя и высокохудожественно выразила многовековые традиции национальной балкарской поэтической культуры, адаптировала в национально-образной стихии многоцветие восточной литературы, творчески освоила и развила в атмосфере этнического миропонимания опыт русской, европейской и мировой художественной поэзии. Кайсын Кулиев глубоко осознал и высокохудожественно выразил мысль, поднявшую его поэзию до общемировых, общечеловеческих высот.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 8(74): в 2-х ч. Ч. 2. С. 38-42. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

холод...» [5, с. 107]. Эти мелкие детали являются частью целого механизма художественной манеры автора под названием **проза мертвого тела** и призваны заключить читателя в оковы ледящего душу ужаса. По завершении процесса трансформации трупа Ровены в нечто живое рассказчик видит поднимающийся с кровати **живой труп**, завернутый в **саван**. Здесь мы встречаемся с **темой живого, но мертвого тела**, а также **темой погребального одеяния** в творчестве автора.

Кульминационный момент новеллы настает тогда, когда рассказчик узнает в умершей свою утерянную возлюбленную леди Лигейю. Стоит отметить, что, несмотря на все ужасающие подробности трансформации и мистификаций, финал новеллы представляет собой победу человеческой воли над роком и судьбой, как говорилось выше. Если отбросить все установленные догмы и рациональное восприятие, то можно понять, что финал знаменует продолжение жизни и воссоединение двух любящих сердец, что превращает концовку новеллы в один из самых ярких **художественных приемов оксюморона** в творчестве По.

Необходимо отметить, что новелла является новым этапом творческого развития По. Берущая свое начало в ранних темах и мотивах эзотерическо-окультурного содержания, она освещает явления метемпсихоза, рока, души и т.д. в совершенно другом свете, создавая свое собственное индивидуальное звучание на уже, казалось бы, банальных и распространённых аккордах художественного слова автора. При этом мелодика всего текста перестает быть статичной и начинает меняться с минорной на мажорную, стараясь все глубже погрузить читателя в мир, полный противоречий, философских изысканий и мистификаций.

Список источников

1. Аллен Г. Эдгар По / сокр. пер. с англ. С. Силищева. М.: Молодая гвардия, 1984. 334 с.
2. **Борецкий А. В.** Новейший эзотерический словарь. Курск: Дом книги, 2003. 447 с.
3. **Грицанов А. А.** Новейший философский словарь. Минск: Книжный Дом, 2007. 816 с.
4. **Осипова Э. Ф.** Загадки Эдгара По: исследования и комментарии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 169 с.
5. **По Э. А.** Золотой жук. Рассказы. Стихотворения. М.: Эскмо, 2014. 768 с.
6. **Рое Е. А.** Complete Tales and Poems. N. Y.: Castle Books, 2009. 864 p.

MYSTICAL INCONSISTENCY OF THE FINAL PART OF THE STORY BY E. A. POE "LIGEIA"

Kapustkin Aleksandr Andreevich

*Ivanovo State University
wow-naturalin@yandex.ru*

The paper focuses on analyzing mystical and occult element realized in the following subject areas: life after death; living but dead body; metempsychosis; necromancy phenomenon; fatality and fate. The author concludes that in spite of its apparent rationality, logicity and sketchiness, Edgar Allan Poe's story accumulates mystical and occult phenomena on the verge of absurdity including supernatural reality adopted and accepted by the writer both within the framework of literary creation and beyond it.

Key words and phrases: novelistics; romanticism; symbolism; mysticism; occultism; metempsychosis; reincarnation; living but dead body; fate and destiny; "Ligeia"; E. A. Poe.

УДК 821.352.2

В статье рассматриваются художественные особенности поэзии К. Кулиева, которая стоит в авангарде поэтической мысли XX столетия. Поэзия К. Кулиева вобрала в себя и высокохудожественно выразила многовековые традиции национальной балкарской поэтической культуры, адаптировала в национально-образной стихии многоцветие восточной литературы, творчески освоила и развила в атмосфере этнического миро-понимания опыт русской, европейской и мировой художественной поэзии. Кайсын Кулиев глубоко осознал и высокохудожественно выразил мысль, поднявшую его поэзию до общемировых, общечеловеческих высот.

Ключевые слова и фразы: балкарская поэзия; духовное родство; национальное своеобразие; мировосприятие; драматизм; гуманизм; лирический герой; образ; тема; Кайсын Кулиев – балкарский поэт.

Магулаева Фарида Лазаревна

*Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева, г. Карачаевск
bostanova1981@mail.ru*

ПОЭЗИЯ КАЙСЫНА КУЛИЕВА: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

«Надо иметь такую душу, чтобы написать такие стихи», – гласит древний афоризм. Кайсын Кулиев обладал вдохновенной душой, проникнутой бесконечной любовью к людям, к жизни. Это отразили его стихи, в которых мечты и идеи автора, его чувства, его стремление сделать этот мир обителью мудрости, добра и света.

Восприятие поэтом мира как единого, целого, как центра притяжения лучших побуждений людей отмечает известный киргизский писатель Чингиз Айтматов в своем предисловии к трехтомному изданию стихов

балкарского поэта: «Духовное родство, которое Кайсын безошибочно обнаруживал у самых разных поэтов, укрепляло в нем чувство мира, как единого дома человечества. Естественно, что зародыш этого чувства – врожденная любовь к “малой родине”, к Чегему, через который благодаря Кайсыну, ныне пролегает одна из дорог современной мировой поэзии» [1, с. 7].

Чингиз Айтматов определил главное в поэзии К. Кулиева – чувство всеобщности, связи каждого человека с бытием всего общества, ответственность за все, происходящее на земле. Искренне, с юношеской непосредственностью поэт восхищается красотой мира – горами, реками, лесами – и мечтает о таких же гармонии и равновесии в обществе, во всех городах и странах.

Величие и красота мира предстают в поэзии К. Кулиева во всем многообразии, игре красок и форм, бесконечности движения. Стихотворные произведения порой напоминают яркие красочные витражи, в которых каждая деталь выделена отчетливо и выразительно. Читатель имеет возможность не только увидеть, но и сопоставить все прекрасное в природе и в жизни людей:

Она цвета свои по-дружески
Переняла у наших мест,
Увидев жар костров пастушеских
И шалей на плечах невест [5, с. 61].
(Перевод Н. Гребнева.)

В смене разнообразных картин бытия нет явлений значимых или незначительных, в понимании автора. Для поэта, влюбленного в жизнь, в ее тайную мудрость и гармоничность, все важно, все наполнено глубоким смыслом. И порой даже самые неприметные явления, мгновения, эпизоды бытия оказываются на первом плане и прежде всего потому, что дарят человеку радость или грусть, вызывают у него целую гамму ощущений, хорошее настроение или заставляют задуматься. Первые ранние стихи поэта – это зеркальное отражение мира, естественного и полного очарования в своей первозданности. Таким воспринимает окружающую действительность юношеское сознание. Искренность, незамутненность чувств молодого поэта созвучны избранным темам – простым, наивным, неприхотливым. Это заметно уже из названий первых стихов поэта – «Песенка горной речушки» (1937), «Мальчик и теленок» (1935), «Во дворе» (1936), «Аробщик» (1936). Но уже в этот период складывается художественный стиль поэта, его приверженность реалистической традиции, стремление создать прежде всего достоверную ясную картину. Несмотря на богатую образность стихов и поэм, Кайсын Кулиев никогда не стремился поразить воображение читателя чем-то особенным, экзотичным. Напротив, загадка притягательности, завораживающей силы его стихов, пожалуй, и заключается в этой подчеркнутой простоте, внешней «нивелированности» произведений, за которыми скрыта неординарность мысли и глубокая страстность чувств. «Образность, конкретность, предметность становятся характерной чертой лирики Кайсына Кулиева. Однако следует отметить, что художественность в них в большинстве случаев достигается не только тропами, но и простыми, точными обозначениями реалий действительности, естественностью интонации. В этом сказывается несомненная близость К. Кулиева к Лермонтову» [8, с. 230].

Находясь на фронте, защищая свою Родину от гитлеровской агрессии, молодой балкарский поэт реалистично создает в своих стихотворных произведениях картины войны. В них резко и сурово показаны тяжелые будни солдат, лишения, выпавшие на их долю. Действительность изображена без всякой лакировки. В то же время поэт отражает в своих стихах подлинный патриотизм, присущий защитникам Родины, их готовность отстоять Отчизну любой ценой. «Силой любви и силой ненависти рождались под пером строки в те годы кровавых испытаний всего человечества, когда наш народ вел справедливую войну» [9, с. 36].

Чем суровее фронтовые будни, чем ожесточеннее бои, тем тверже воля и решимость бойцов, тем сокрушительнее их атаки, ведущие к победе. И тем глубже проникает в сердце горечь от потерь боевых друзей... Этой болью утрат пронизаны многие фронтовые стихи Кайсына Кулиева, поэта-бойца. С особой силой в этих произведениях выражен гуманизм поэта, его любовь к людям, его страдания за оборвавшиеся молодые жизни.

Словно выражая протест против самой идеи войны, поэт адресует свое первое фронтовое стихотворение любимой. В нем негодование юности против насилия и смерти и отчаянное желание победить в жестокой схватке с агрессором:

Огромный простор, разлучивший нас,
Заливает кровью война.
Разливы морей, разделивших нас,
Застилает дымом она [3, с. 78].
(Перевод В. Звягинцевой.)

Военная лирика К. Кулиева оставила глубокий след в национальной поэзии. Страстные, публицистичные стихи отразили трагичность эпохи, но самое главное – стойкость и героизм советских солдат, тот «будничный» героизм, который не всегда заметен, но благодаря которому была сломлена и уничтожена ужасающая гитлеровская военная машина. Кулиев достиг высоты в показе именно этого ежедневного героизма бойцов, которые не только совершали подвиги, отчаянные поступки, громя врага, но и постоянно, порой в немыслимых условиях, сохраняли необходимую боевую форму, никогда не жаловались на судьбу.

Точную характеристику стихам Кулиева военных лет дает исследовательница творчества поэта Т. Е. Эфендиева: «Суровый опыт военных лет придавал стихам и очеркам Кулиева новые черты – мужественную простоту, сдержанную силу и гневность» [9, с. 25]. Это мнение подтверждается суровыми четверостишиями поэта,

лишенными патетики, но отражающими силу и глубину его чувств. Фронтовую жизнь автор рисует такой, как она есть, когда солдатам приходится есть хлеб пополам с землей, которая «хрустит на зубах». В то же время поэт подчеркивает, что никакая сила не сможет помешать солдатам день за днем, шаг за шагом приближать желанный день победы.

Мороз и солнце нас бросают в дрожь.
Под пулями проводим день за днем.
Хоть смерть страшна, назад не повернешь.
Так мы, солдаты, на войне живем [3, с. 156]...
(Перевод Д. Голубкова.)

Наибольшего драматизма достигают строки, в которых поэт выражает скорбь по погибшим друзьям. Эти утраты невозможны, и поэт подчеркивает это. К образам погибших на фронте солдат поэт возвращается на протяжении всего творческого пути, как лейтмотиву своей гуманистической, искренней, исповедальной поэзии. Автор утверждает, что даже в мирное время, когда кругом «такая стоит тишина», воспоминания нас тяготят, о тех, кто уже не вернется назад. Для Кайсына Кулиева эти воспоминания – самое святое в жизни, они вечно живы в его памяти:

...Как много здесь я потерял друзей!
Непогребенные они лежат.
Так, сохраняя жизнь страны своей,
Своею жизнью жертвует солдат [Там же].
(Перевод Д. Голубкова.)

В сознании поэта Великая Отечественная война оставила неизгладимый след. Во многих поэтических циклах автора показаны многочисленные эпизоды фронтовых лет, переданы чувства и переживания человека, прошедшего через испытание огнем, увидевшего множество смертей, чье сердце, закаленное, словно гранит, не раз сжималось болью, как «раненый камень», по известному образному выражению Кайсына Кулиева. «Поэт не приукрашивает войну, не романтизирует её, он рисует правду военного быта, где жизнь и смерть, радость и горе всегда рядом» [9, с. 27]. Патриотизм, гражданственность, готовность всегда стоять на защите справедливости, мира, счастья людей являются основой отношения поэта к жизни. Эти принципы нашли свое отражение не только во фронтовых поэтических циклах, но и во всей творческой деятельности Кулиева.

Строки, в которые поэт вкладывает свои убеждения, свой символ веры, далеко не декларативны: они подтверждены реальным образом действий, всей жизнью автора и его лирических героев. Поэтому для Кайсына Кулиева так важно четкое разграничение таких понятий, как благородство и бесчестность, смелость и трусость, искренность и лицемерие, верность и предательство. Ведь те качества символизируют противостояние добра и зла, от них зависят порой судьбы и даже жизнь людей. Гражданственностью и гуманизмом проникнуты стихи поэта и о войне, и о мире, о Родине и родной земле, о людях и о природе, о дружбе и о любви. Жизнь поэта всегда была неотделима от жизни всей страны, от забот и надежд его современников. И неслучайно в некоторых стихах автор высказывал свои суждения прямо и открыто, без всякой иносказательности и опосредованности. Зачастую этого требовала сама жизнь, общественные импульсы, исходившие от многих событий и явлений действительности. Кулиев не боялся выглядеть излишне прямолинейным или «простым», не боялся и «громкости» своих слов – его жизненный опыт и твердые убеждения заслуживали такой уверенности. Откровенные стихи автора привлекают прежде всего своей нескрываемой страстностью и публицистичностью, резкостью высказываний и определенностью мысли. Они звучат прямой противоположностью его раздумчивым и элегичным стихам, но обладают той же степенью художественности и убедительности, не меньшей, если не большей, силой воздействия на читателя:

Не ради славы пишут кровью.
Без платы конь летит вперед.
Пока его не остановят,
Или пока не упадет... [4, с. 283].
(Перевод Н. Гребнева.)

Но каковы бы ни были убеждения поэта, они высказываются им лишь в непосредственной связи с центральным образом его поэзии – образом человека. Мировосприятие Кулиева можно назвать антропоцентрическим, так как единственной и неповторимой ценностью в мире, олицетворением всеобщего разума является для него человек, с его характером, душой, привычками, с его уникальным мировосприятием.

В стихотворении «Монолог» автор рассуждает о роли человека, его деяний в обществе:

Есть на земле поэты и пророки.
Есть в мире свет, но в мире есть и тьма.
Есть мудрость: зуб за зуб, за око – око,
И кровь за кровь.
И кровь – а просто так [2, с. 118].
(Перевод Н. Гребнева.)

Главных героев произведений К. Кулиева, разных по возрасту, жизненному опыту, мироощущению, объединяет важное качество, присущее менталитету самого автора – стремление к созидательному труду, постижению сущности бытия. Примером нравственного самосовершенствования человека для Кулиева зачастую является «естественная» трудовая жизнь, связь с землей, с природой. Поэт убежден, что городскому человеку можно многому научиться у людей крестьянского труда, не только посвятивших себя земле, но и сохраняющих в неприкосновенности древние обычаи и традиции, старинную народную культуру – духовное богатство общества. В беседе простых горцев автор улавливает черты народной мудрости, отвергающей все поверхностное, показное. Он подчеркивает, что каждое слово, как и дело, весомо, подтверждено судьбой, жизнью:

Тревожит рассуждающих не вечность,
Не старый спор: что истина, что прах?
И в речи нет их слова «человечность»,
А просто человечность в их словах [4, с. 137].
(Перевод Н. Гребнева.)

Кайсын Кулиев известен широкому кругу читателей не только как поэт драматического и философского направлений, для многих почитателей творчества балкарского поэта наиболее характерной представляется его лирическая поэзия. Лирические стихи Кулиева посвящены различным темам: это и поэтические зарисовки о природе, и воспоминания, отраженные в тонких акварельных образах, впечатления.

Особое место в этих циклах занимают женские образы, воплотившие для автора все самое утонченное, благородное, светлое, красоту и изящество облика и движений, мыслей и чувств. Совершенство женских образов, обрисованных Кулиевым, позволяет сделать вывод о его преклонении перед женщиной как идеальным созданием природы. Представления поэта в полной мере соответствуют принятому на Кавказе отношению к женщине с высшей степенью уважения и поклонения. «Стихи Кайсына Кулиева о любви вообще – белого цвета... Вероятно, дело в чистоте снега – символа чистоты. И в том, что он как бы умиротворяет природу, делая её “тихой”, как тихи сами строки Кулиева о любви» [7, с. 140]. Образ женщины в горском обществе вознесен высоко над остальными и символизирует доброту и нежность, женственность и гордость, терпение и всепрощение. С древних времен горец связывал свои понятия о высшем и духовном в мироздании с образом женщины – матери, возлюбленной, хранительницы мира и добра на земле.

В произведениях Кайсына Кулиева женские образы не только обладают всеми чертами совершенства, но и ассоциируются с земными и неземными явлениями природы – весной, цветами, птицами, звездами, снами и видениями. Так, в одном из своих ранних стихотворений поэт сравнивает девушку с цветами:

Все в росе цветы в Сары-Тюзе,
Все цветы похожи на тебя [3, с. 39].
(Перевод Д. Голубкова.)

Косы девушки пахнут «свежею травой, нагретой солнцем» [Там же]. Образ, переданный в переливах красок природы, предстает перед глазами лирического героя как воплощение прекрасного.

Той же вдохновенностью отличаются и стихи Кайсына Кулиева, написанные в более поздние годы, – на протяжении всего творчества он создавал возвышенные образы горянок, воплощавших не только красоту, но и благородство поступков, самоотверженность и верность. Но в то же время художник слова выражал восхищение всеми женщинами земли, олицетворяющими саму жизнь в ее простоте и величии.

Образ женщины во многом представляется поэту символическим. Неслучайно, создавая ее портрет, он обращается к абстрактным, многозначным образам, например, таким, как весна:

Твое лицо – лицо весны.
Вы лишены различья всякого.
Вам звезды светят одинаково,
Твое лицо – лицо весны [6, с. 87].
(Перевод Н. Кондаковой.)

Поэзия Кайсына Кулиева – огромный мир, протяженный во времени и пространстве. Об этом свидетельствуют многочисленные и многоплановые образы и поэтические картины, созданные им и запечатленные в национальной литературе.

Список источников

1. **Айтматов Ч.** Пространство поэта. Вступительная статья // Кулиев К. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Худож. лит., 1987. Т. 1. С. 5-19.
2. **Кулиев К.** Жить: лирика разных лет. М.: Советская Россия, 1986. 267 с.
3. **Кулиев К.** Избранные произведения. Стихотворения и поэмы: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 1. 382 с.
4. **Кулиев К.** Избранные произведения. Стихотворения и поэмы: в 2-х т. М.: Худож. лит., 1970. Т. 2. 431 с.
5. **Кулиев К.** Раненый камень: стихи и поэмы. М.: Сов. писатель, 1964. 312 с.
6. **Кулиев К.** Так растет и дерево. М.: Современник, 1975. 380 с.
7. **Рассадин Ст.** Кайсын Кулиев. Литературный портрет. М.: Худож. лит., 1974. 160 с.
8. **Толгуров З. Х.** Кайсын Кулиев. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. 807 с.
9. **Эфендиева Т. Е.** Кайсын Кулиев: литературный портрет. М.: Сов. Россия, 1985. 128 с.

THE POETRY OF KAISYN KULIEV: LITERARY PECULIARITIES AND NATIONAL IDENTITY

Magulaeva Farida Lazarevna

*Karachaevo-Cherkessky State University named after U. D. Aliev, Karachaevsk
bostanova1981@mail.ru*

The article discusses the literary features of the poetry of K. Kuliev, which stands in the forefront of the poetic thought of the XX century. The poetry by K. Kuliev absorbed in itself and highly expressed old traditions of the national Balkar poetic culture. It adapted multicolored nature of Oriental literature in the national-figurative element. It creatively mastered and developed the experience of Russian, European and world art and poetry in the atmosphere of ethnic understanding of the world. Kaisyn Kuliev deeply understood and highly expressed the idea, which raised his poetry to global, universal heights.

Key words and phrases: Balkar poetry; spiritual kinship; national identity; world view; dramatism; humanism; lyrical character; image; theme; Kaisyn Kuliev – Balkar poet.

УДК 821.161.1

В статье устанавливается качественно-характерная доминанта новаторства Н. В. Гоголя в использовании античного жанра идиллии как основообразующего в повести «Старосветские помещики». В этой связи в пределах указанного жанра прослеживается эволюция филэллинизма в обращении писателей малороссийского текста русской литературы к теме античности. Автор обосновывает положение о том, что сатирическая и историко-патриотическая темы при изображении Греции О. М. Сомовым были усвоены и преодолены Н. В. Гоголем, обратившимся к энергетике архаичного жанра идиллии, чтобы, не отвлекая внимания от эмоциональности в сторону предметности, сильнее и глубже донести до читателя цивилизационное предупреждение.

Ключевые слова и фразы: Н. В. Гоголь; О. М. Сомов; малороссийский текст; идиллия; периферийные жанры; антикризисный потенциал.

Овчинников Денис Павлович*Ивановский государственный университет (филиал) в г. Шуе
denis_ovchinnikov1993@mail.ru***МАЛОРОССИЙСКИЙ ФИЛЭЛЛИНИЗМ Н. В. ГОГОЛЯ
В ПОВЕСТИ «СТАРОВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ»**

Жизнь Афанасия Ивановича Товстогуб и жены его Пульхерии Ивановны – главных, но не единственно важных для воплощения замысла автора героев повести «Старосветские помещики» (1835), выглядит более чем идиллической: радостный и греющий душу быт старичков, хлебосольство хозяев, почитающих своих гостей, неистощимое количество гастрономических запасов, которые дает «благословенная земля», – и все это на фоне благодатного малороссийского пейзажа, пения соловья и раздающейся на две версты музыки хозяйских дроздов. Повествователь указывает на сходство помещиков с мифическими персонажами поэмы Овидия «Метаморфозы»: «Если бы я был живописец и хотел изобразить на полотне Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избрал другого оригинала, кроме их» [5, с. 7]. Присущая им доброта, радушие, чистосердечие, не единожды подчеркиваемая скромность старичков подтверждают обоснованность такой аналогии.

Жизнь казалась полной мира, любви и нежности, без тяжелых забот и борьбы до рокового события с кошкой и последовавшей затем смертью сначала Пульхерии Ивановны, а затем и Афанасия Ивановича. Что-то разомкнуло, выбило из колеи заданный автором ход бытия: счастливая жизнь старичков должна была закончиться в один день, как закончилась она для Филемона и Бавкиды по испрошенной за их праведность награде: «Час пусть один унесет нас обоих» [12, с. 393].

С появлением в конце повести наследника-реформатора предшествующий текст переносится в иную плоскость понимания: перед нами приговор Гоголя новой цивилизации, ее отрицательному влиянию на внутренний мир укорененного в быту человека старой формации. По мнению Т. Попович, «причиной уничтожения буколической жизни, которая является олицетворением первоначального человеческого счастливого и гармоничного мира, был не “народ мрачный и дикий”, а те, что “гораздо более цивилизованы”» [15, с. 64], т.е. домашняя кошка и наследник-реформатор. Рассуждения исследовательницы о кризисологических проблемах «Старосветских помещиков» послужили для нас плодотворным материалом при наблюдении над воплощением цивилизационного предупреждения в самом жанре повести.

Обращение писателя к жанру идиллии – это попытка зримо представить прекрасные картины ушедшей жизни («идиллия» в переводе на русский язык означает «картинка»). Вот то, что определяет своеобразие воплощения жанра идиллии в повести «Старосветские помещики», поскольку, как отмечал Андрей Белый, лексема «свет» в сознании Гоголя ассоциируется с жизненным укладом патриархальной, былой Украины [2, с. 54-55]: «Я до сих пор не могу позабыть двух старичков прошедшего века, которых, увы! теперь уже нет» [5, с. 7]; «Комнаты домика, в котором жили наши старички, были малыньки, низеньки, какие обыкновенно встречаются у старосветских людей» [Там же, с. 8].